1-й экз.

Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 3. **ФЕВРАЛЬ, 1922 г.** **2 серия.**

Содержание: П. А. Кропоткин. (К годовщине смерти—биографический очерк).—Рабочая солидарность. *П. Кропоткин* (Посмертная статья).—Из переписки учителя.—Из воспоминаний и бесед с П. А. Кропоткиным. *Ал. Атабекян.*

Петр Алексеевич КРОПОТКИН.
27 ноября (9 декабря) 1842—8 февраля 1921.

К годовщине смерти.—Биографический очерк.

П. А. Кропоткин родился в Москве, во времена крепостного права, в богатой помещичьей семье, происходившей из древнего великокняжеского рода. Отец его Алексей Петрович, владел 1200 душами крепостных (не считая женщин) и большими землями в трех различных губерниях. Как вообще все помещики-крепостники, он был грубого нрава, нападал на дворовых и поносил их по всякому поводу, бил порой

собственноручно или посылал на с'езжую, где их пороли.

Мать свою, женщину добрую, Петр Алексеевич почти не знал, так как она умерла молодой, когда ему было едва $3^1/_2$ года. Дед со стороны матери был генералом.

Выкормила грудью маленького Петра кормилица Василиса, крепостная из бедной сектантской семьи. Дочь ея, молочная сестра Петра Алексеевича, оставшись без образования, стала впоследствии проповедницей и „богородицей" в раскольничьей секте, он же—сделался ученым и агитатором-революционером.

Петра Алексеевича и его брата-погодка Александра выняньчили крепостная няня Ульяна и добрая, старая немка, мадам Бурман, не имевшая ни своего угла, ни души родных, и сильно привязавшаяся к детям.

Через два года после смерти матери, отец Петра Алексеевича женился вторично. Мачиха поспешила уволить старушку Бурман и удалила от детей няню Ульяну. Воспитание мальчиков она передала французу Пулэну.

Новый воспитатель часто зря бранил детей, ставил их на колени и порой наказывал розгой.

Так грубые нравы крепостников отражались на их собственных детях. Впоследствии Петр Алексеевич с полным основанием, по личному опыту, мог писать: *прогресс в человечестве неразделен, он возможен только тогда, когда он охватывает всех; нищета и угнетенность одних ведут за собой нищету духа и рабство всех.*

Мачиха не обращала на детей никакого внимания. Так же относился и отец, который был весь поглощен „управлением" своими крепостными, заботами о тщеславных расходах, приемом гостей и азартной картежной игрой. Рядом с этим, он проявлял удивительную скаредность в семейном быту. Когда дети подросли, им все же никогда не давали карманных денег, так что даже бумагу для детского журнала, который они писали сами, получали в подарок от своего учителя.

Эта оторванность от своей семьи отчуждила Петра Алексеевича и его брата Александра от „нищей духом" крепостнически-дворянской среды. Дети сблизились с многолюдной дворней отцовского дома; дворовых, согнанных из крестьянских семейств, в доме было до 50 душ.

Все детство Петра Алексеевича было перевито воспоминаниями о его родной матери.

„Как часто где нибудь в темном коридоре рука дворового ласково касалась меня или брата Александра", разсказал впоследствии Петр Алексеевич. „Как часто крестьянка, встретив нас в поле, спрашивала: „Выростите ли вы такими добрыми, какой была ваша мать? Она нас жалела, а вы будете жалеть?"

„Нас", означало, конечно, крепостных. Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети".

Глубокое впечатление производили на маленького Петра любовь и ла̀ски кормилицы, когда семья его отца на лето переезжала в деревню и он получал возможность навещать ее.

„Немногие знают", написал много лет спустя Петр Алексеевич, вспоминая об этом времени, „как много доброты таится в сердце русского крестьянина несмотря на то, что века сурового гнета повидимому должны были бы озлобить его".

И было от чего озлобиться.

Под-дворецкий Макар разбил несколько тарелок. Князь Алексей Петрович пишет записку: „Послать Макара с этой запиской на с'езжую. Там ему закатят сто розог".

„В доме ужас и оцепенение", рассказывает Петр Алексеевич.

„Бьет четыре. Мы все спускаемся к обеду, но ни у кого нет охоты есть. Никто не дотрагивается до супа. Нас за столом десять человек. За каждым стоит скрипка или тромбон*), с чистой тарелкой в левой руке, но Макара нет.

„—Где Макар?—спрашивает мачиха. —Позвать его.

„Макар не является, и приказ отдается снова. Входит Макар, бледный, с искаженным лицом, пристыженный, с опущенными глазами. Отец глядит в тарелку. Мачиха, видя, что никто из нас не дотронулся до супа, пробует оживить нас.

„—Не находите ли вы, дети,—говорит она по-французски,—что суп сегодня превосходный?

„Слезы душат меня. После обеда я выбегаю, нагоняю Макара в темном корридоре и хочу поцеловать его руку; но он вырывает ее и говорит, не то с упреком, не то вопросительно: „Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?"

„—Нет, нет, никогда."

Мальчик больше, чем сдержал слово. Он всю жизнь посвятил делу освобождения угнетенных властью одних людей над другими. Когда мальчика Петра отправили в Петербург, в Пажеский корпус, ему было почти пятнадцать лет. „Уехал я из дому

*) Дворовые из домашнего оркестра, которые служили одновременно лакеями. (Прим. редакции).

мальчиком", пишет он; „но человеческий характер устанавливается довольно определенно, раньше чем обыкновенно предполагают, и я не сомневаюсь в том, что, несмотря на отроческий возраст, я в значительной степени и тогда был уже тем, чем стал впоследствии".

Князь по рождению, он, рано лишившись матери, был духовно усыновлен простым страждущим людом. В этом вся разгадка этой чудесной жизни.

В дальнейшем, ни великосветское воспитание, полученное в Пажеском корпусе, ни заманчивый блеск двора, ни широкие возможности служебного поприща, ни проторенный, легкий путь официальной науки, ни даже тюрьмы и преследования не смогли его отвлечь или заставить изменить среде, в которой он, сирота, вырос и встретил ласку и любовь.

Он сделал больше, чем *служил народу*, как яко-бы делают многие другие, живя в то же самое время на его счет; он всю свою последующую жизнь зарабатывал свой хлеб личным производительным трудом. И если на закате дней своих ему самому пришлось пережить возродившееся крепостничество, устранившее вольный труд и заработок, и вынудившее его принять „паек" от государства, когда продукты питания нельзя было достать иным путем, то он воздавал народу за этот паек сторицей: он умер на койке рядом со столом, за которым работал, пока его не свалила болезнь.

Долголетний труд обогатил этого великого пролетария лишь одним: великой любовью угнетенных и обездоленных по всему земному шару.

РАБОЧАЯ СОЛИДАРНОСТЬ.

Недавно в Англии произошло событие, имеющее значение для всего рабочего движения. Как известно, несколько времени тому назад в Ирландии, в Дублине, вспыхнула большая забастовка и в газетах было сообщено с какою жестокостью полиция расправилась с рабочими на улице.

Ирландские рабочие проявили деятельную солидарность по отношению к своим дублинским товарищам. Ирландский Союз Транспортных Рабочих тотчас организовал отправку продовольствия для стачечников и для рабочих закрытых хозяевами предприятий; три зала и помещения Союза Транспортных Рабочих,—Зал Свободы, который является их главным помещением, и два отделения (на Большой улице и в Крайдон Парке) были отведены для распределения продовольствия. В Крайдон-Паркском Доме, где имеется возможность выпекать хлеб, будет находиться их главный склад, и с четверга, 25-го числа, стали там сосредотачивать продовольствие для стачечников.

С другой стороны Конгрес Трэд-Юнионистов, который заседал в Манчестре, ассигновал 125.000 франков для отправки продовольствия своим дублинским братьям. Мало того, английские трэд-юнионисты вошли в соглашение с Кооперацией. В тот же день был нанят пароход, который стоял в порту и манчеотрские грузчики, которые сами находятся в стачке, берутся прежде разгрузить, а затем быстро нагрузить пароход продовольствием. Разгрузка парохода „Хера" („Hare") началась в четверг утром и бастующие манчестрские портовые грузчики с жаром и увлечением принялись за работу, чтобы часом раньше отправить продовольствие в Дублин.

То же самое происходит в Кооперативе, где приготовляют 60.000 пакетов с маслом, чаем, банкой варенья (варенье с хлебом заменяет масло по питательности) и мешечком сахару. Кроме того отправляют партию бисквитов для детворы.

Тут выявляется новая линия борьбы Труда против Капитала;—новый прием действия, который даст рабочим новое сознание своих сил.

Только рабочая Кооперация могла осуществить заготовку 60.000 пакетов в столь короткое время и только рабочие союзы могли так хорошо наладить нагрузку парохода и распределение на месте—без правительства—буржуазного или социалистического.

Это мне напомнило беседу, которую я имел лет двадцать пять тому назад в Манчестрской Кооперации. Мы завтракали с пятью или шестью рабочими, заведывавшими этим кооперативом, за простым столом, покрытым клеенкой. В те времена много говорили о пробуждении социализма в Англии, и я спросил моих хозяев:

—Предположим, что через некоторое время будет провозглашена в Манчестре Коммуна. Предположим, что она проявит здравый смысл и об'явит, что Коммуна берется снабжать каждое семейство провизией, которую потребуют они;—без роскоши, само собою разумеется, но всем тем, что теперь считается предметом первой необходимости. Сколько времени потребуется для Кооперации, чтобы организовать распределение?

—Будет-ли кто платить за продукты?

—Да, Коммуна, которая обратится к вашему посредничеству для закупок.

—В таком случае не будет затруднений.

И они начали серьезно обсуждать между собой, как будто вопрос шел о деле

завтрашнего дня, как это можно было бы сделать. Меня очень удивило такое серьезное отношение к моему вопросу. Казалось, что они уже об этом думали сами.

—Через двенадцать дней, положим пятнадцать, все будет вполне налажено. При доброй воле рабочих, нашей организации будет достаточно, каждое семейство получит на дому все то, в чем нуждается. При условии, конечно, что не будет задержки в уплате за покупки. Это могло бы явиться главным затруднением.

—Взаимный кредит кооперативных банков поможет в этом, не правда-ли? Ведь не деньги одалживают друг другу банки, а открывают кредит.

—Конечно.

Меня поразило серьезное отношение этих кооператоров к моему вопросу, и я часто думал об этом. Казалось, что они сами уже ставили себе подобные вопросы. Идеи Роберта Оуэна как-будто жили среди них.

Во всяком случае, главное в этом новом направлении мыслей у английских рабочих заключается в *строительном духе*, создавшем этот новый способ оказывать помощь стачечникам; существенно не только участие рабочих, вносящих свою лепту, а также содействие портовых грузчиков своим трудом и внезапное возникновение целого предприятия из потребности момента.

Только таким путем,—создавая во время разрушения,—рабочие добьются своего освобождения. Нужно доказать, что буржуа хуже, чем *вреден*: он безполезен.

Лондон,
22 сентября 1913. *П. Кропоткин.*

(Перевод с французск. рукописи).

МАТЕРИАЛЫ к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ*).

Дмитров, 2 мая 1920 г.

Дорогой мой Александр,

Зарвался со своей работой, и вот до сих пор еще не ответил вам на ваше письмо от 22 апреля.

Вы спрашиваете, не было ли у „серебренников“ и „ливцев“, чеканивших монету, своей профессиональной организации?

Несомненно была организация ювелиров и чеканьщиков вообще,—изготовление монеты вероятно входило, как отрасль, ювелирного дела вообще. Гильдии чеканьщиков и ювелиров часто упоминаются, как одне из крупных гильдий; а в мемуарах Бенвенуто Челлини, который по ремеслу был чеканьщик и серебренник (он делал всевозможные вещи из серебра—тазы, кружки, подсвечники, печати, формы для чеканки папской и герцогской монеты,—причем гордился, что его монеты не уступают древним,—и т. д. Из ювелира он постепенно перешел в отливщика замечательнейших статуй),—в мемуарах Челлини видно, как тесно были связаны между собой специалисты этого ремесла, и как легко Челлини, напроказив в одном городе, переселился в другой и там, уже в день прибытия, начинал работать у нового чеканьщика, который принимал его, как друга—собрата по ремеслу, и, очевидно, по гильдии.

Нас очень порадовало, что дело с вашей типографией, повидимому, налаживается. Вы вспомнили, дорогой мой, мои слова: „Как славно мы могли бы работать вместе!“ Да, славно. Но, если бы я взялся за анархический орган, я непременно положил бы в него все свои силы. А это, теперь, невозможно.

Я взялся за Этику, потому что считаю эту работу *безусловно необходимой*. Я знаю, что не книги создают направления, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима *поддержка* книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме. И чтобы положит начало нравственности, свободной от религий, и более высокой, чем религиозная, ждущая награды „на том свете“,—необходима помощь хорошо разработанных книг.

В такой разработке, теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом (в действительности, нравственность Канта была *религиозная* нравственность, сколько она не прикрывалась „философией“), т.-е. между Ницше и христианством,—надобность чувствуется *неотложная*.

Замечательно (я узнал это недавно),

---

*) Часть первого из печатаемых здесь двух писем была помещена в однодневной газете, выпущенной в день похорон Петра Алексеевича. Здесь мы его воспроизводим полностью. Сам П. А. тоже придавал, очевидно, значение этому письму,—по крайней мере как материалу для разработки,—так как в его бумагах сохранилась копия с него.

Хотя при жизни Петр Алексеевич был „безусловно против печатания обрывков из дружеских бесед и дружеских писем“, как это видно из второго письма, тем не менее он находил возможным их обнародование „*со временем*“. Всего год отделяет нас от нашей великой утраты, и так еще свежа память, но едва ли мы нарушаем заветы П.А., печатая его письма и воспоминания о беседах с ним. Он слишком ценил живую действительность, чтобы мы сочли себя в праве зарыть в пыли архивов даже самые малейшие ценности его мысли и его души, которыми он делился со своими друзьями. Как бы ни неотделаны они не казались ему самому, без сомнения, „*друзья его поймут на полуслове*“. А кто из знавших П. А. не был его другом? Если он не имел возможности переписываться со всеми, то читать его и ближе узнать имеют право все.

А. А.

что Бакунин, когда, после поражения Коммуны, он удалился в Локарно, почувствовал точно также эту необходимость выработки новой Этики. Кто-нибудь, непременно это сделает. Но надо подготовить почву, и раз мой ум влечет меня и в этой области искать новых путей,—надо это сделать: хоть наметить пути.

Жить мне осталось очень немного, сердце отрабатывает число биений, на которое оно было способно. Вот, сегодня, чуть не случился обморок,—без всякой особой причины:—„сердце пошаливает".

Так вот, родной мой, на Этику я положу свои силы. Тем более, что в агитаторской деятельности, в данное переживаемое нами время, я не чувствую, чтобы слабыми, *единичными* силами, в России можно было сделать что-нибудь серьезное. Силы взбаламучены большие; во всяком случае, не единичные.

30 лет подготовлялось то, что происходит теперь,—и против этого направления работали только наши, архи-скромные силы, *и те не умели об'единиться!* и те не оценивали силы социал-демократического централизаторства, и верить не хотели в близость возможного сотрясения.

П. А. Кропоткин за работой.

Я глубоко верю в будущее. Я верю в то, что синдикальное движение, т.-е. движение профессиональных союзов, которое на свой конгресс недавно собрало представителей от 20-и миллионов рабочих, выступит великою силою в течении ближайших 50-и лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества. И, если бы я был во Франции, где в данную минуту центр профессионального движения, и чувствовал побольше сил, я бросился бы с головой в это движение, **Первого Интернационала** (не 2-го и не 3-го, которые представляют узурпацию идеи Рабочего Интернационала в пользу *одной* **партии**: социал-демократической, которая на половину вовсе не представляет рабочих).

Я верю также, что для организации социалистического,—вернее коммунистического—общества среди крестьянства, кооперативное движение,—и именно *русское, крестьянское* кооперативное движение,—в течение ближайших 50 лет, тоже представит живучее, *творческое* ядро коммунистической жизни, безо всякой примеси религиозного элемента (безусловно не нужного,—так как простой рассудительности достаточно—для основания коммунистического использования творческой силы земли). И толчек в этом направлении придет, может быть, из России и, отчасти, из Соединенных Штатов.

Я глубоко верю в это. Но чувствую, что для того, чтобы вдохнуть живую силу в оба эти движения,—оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться, из орудий самозащиты в могучие орудия коммунистического преобразования общества,—для этого нужны силы, более молодые, чем мои и, особенно,—сотрудничество из недр

рабочих и крестьянских. Такие силы найдутся. Оне уже есть, и в том, и в другом движении, хотя оне еще не сознают предстоящей им будущности: не разобрались в ней; не прониклись социалистическим идеалом.

Верю я, наконец, что, разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни, во 1) потому что избавятся от военной опасности завоеваний, и 2) легче будет переходить к социалистическому строю в его негосударственных формах, т.-е. в независимых Коммунах, вступающих в федеральные союзы, когда люди избавятся от теперешнего кумира—государственной централизации и „сильного государства".

Крепко обнимаю вас, дорогой мой Александр...

П. Кропоткин.

Перечитал это письмо. Оно, конечно, не для печати. Мысли едва намечены. Но дружеские письма тем и хороши, что читающий понимает друга на полуслове.

Думал еще приписать несколько строк; но милейший Арсений хочет ехать завтра с 1-м поездом. Посылаю письмо, как есть.

. . . . . .

На просьбу разрешить напечатать письмо в „Почине" получен следующий ответ:

Дорогой мой Александр,

Мне очень больно вас огорчить, но я должен сказать, что я безусловно против печатания обрывков из наших дружеских бесед и дружеского письма.

Для меня, дружеская беседа и дружеское письмо есть *беседа с самим собою* — (вот, как в безсонные ночи обсуждаешь что-нибудь с самим собою), с аргументами *за* и *против*, с неясными набросками *зачатков мыслей*, с *зародышами* новых мыслей, еще не проверенных. Мы, в наших дружеских организациях, в Швейцарии и во Франции вели часами такие беседы и десятками обменивались письмами, ходившими в круговую где каждый прибавлял свое мнение, раньше, чем печатать что-нибудь по тому или другому вопросу, т. е. какие нибудь выводы из этих бесед и писем.

Они могут быть интересны *со временем* для „психологии" (или психопатии) того или другого деятеля; но печатать обрывки из них, с целями пропаганды,—*безусловно невозможно!*

Слабо, не продумано достаточно, не оформлено, а главное—не достаточно продумано и, вследствие этого не достаточно сильно. Таких наших писем мы уничтожали груды; но именно благодаря этому дружескому обмену мы и вырабатывали определенные мысли.

Мне очень грустно было бы, если бы вы не захотели именно так отнестись к нашим беседам и письмам, и лишили бы меня чрезвычайно симпатичного мне собеседника-друга, которому поверяешь обрывки мыслей, именно потому что оне еще не достаточно ясны, чтобы войти в пропаганду, и ждешь дружеского их освещения.

Крепко обнимаю вас, дорогой мой Александр, и жду, когда вы сюда приедете, как это мне обещал Арсений?

Не дивитесь моему неверному почерку. Вчера и сегодня целый почти день тяпал на писальной машинке: и рука дрожит.

. . . . . .

Сердечно любящий
П. Кропоткин.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И БЕСЕД с П. А. КРОПОТКИНЫМ.

Взгляды на новое правописание.

Случайно я был у Петра Алексеевича на его квартире на Новинском бульваре, когда принесли ему от Сытина впервые корректуру по новой орфографии; то были оттиски „Взаимной помощи".

Он, очевидно, не был предупрежден об изменении правописания и оно произвело на него впечатление неприятной неожиданности.

П. А. тут же стал мне пояснять, что, когда вырабатывали новое правописание, академик (он назвал имя, которое сейчас не вспомню), взявшийся за это дело, оставил *и* (восьмеричное) вместо *і*, так как последняя буква напоминала бы *польский язык*. А между тем желательно было бы как-раз сохранить *і*, так как в русском алфавите мало букв выступающих над строкой; такие буквы облегчают чтение.

Что касается экономии в месте, которая получается от выпуска твердых знаков, то она теряется от исключительного употребления *и* восьмеричного. На этом основании И. Д. Сытин высказывал Петру Алексеевичу мнение, что интересы литературных работников, оплачиваемых построчно, не пострадают от из'ятия твердых знаков.

Кроме того, П. А. находил, что предлоги из одних согласных, как *в, с, к*, без твердых знаков, невольно сливаются в глазах с последующими словами и тем затрудняют чтение.

Но критическое отношение к *новому* не означало у П. А. пристрастие к *старому*. Желая ближе познакомиться с новой орфо-

графией, П. А. одолжил у одной своей приятельницы грамматику по новому правописанию Сакулина. Когда он вернул книгу, приятельница П. А. нашла в ней заметку, написанную его рукой карандашом, следующего содержания:

„Новая орфография.

„(Записки корректора).

„Всякое правописание должно дать возможность написать именно то слово, которое хочет написать пишущий.

„Это—первое основное условие всякой орфографии.

„Между тем новое правописание этой возможности не дает.

„Как мне сделать, не вводя новых букв, но выразить 2 разные мысли;

„Общество признàет то-то...

и Общество признаёт то-то... одно—теперь, другое в будущем.

„Но и без этого крайнего случая, как выразить: люди всѣ хотят (число)

люди всё хотят? (время)

„человек признàется", и „человек признаётся". Но как выразить пòзднее время и позднѐе?

„Везти умирающего товарища или вести. „Развитие міра животных" и „развитие мира".

„Отчего французы, у которых 36 букв в азбуке (25 букв + â à, é è ê, ë (ciguë), ô, î, (jet) ç, ù, û (qu'il sût), — правильно пишут даже крестьяне, даже бедные рабочие в Лионе?

„N. B. Новое правописание жестоко *уж* портит правописание".

—

Года полтора спустя после приведенной в начале беседы, уже в Дмитрове, П. А. спросил меня:

—Как вы относитесь к новому правописанию?

—Ничего, Петр Алексеевич. Привыкаю.

—Я тоже, прибавил он.

Но „привыкаю"—малая похвала для революции. К старой орфографии мы тоже были привычны. Задача революции не только в ломке старого, но в бòльшей еще степени, в *улучшении*.

Нет сомнения, что новая орфография тоже нуждается в обновлении. Критические замечания П. А. указывают на некоторые из этих нужных изменений.

Упрощение не всегда означает усовершенствование.

Общительность и Взаимная помощь.

При внимательном чтении „Взаимной помощи" П. А., можно заметить, что автор не проводит строгого разграничения между понятиями *взаимная помощь* и *общительность*. Он часто употребляет эти два понятия как однозначущие, тогда как преобладающее множество наблюдений, приводимых П. А., указывают именно на явления *общительности*, а не *взаимной помощи* в прямом смысле слова. Помощь, оказываемая в животных и человеческих обществах, не всегда носит характер *взаимности*.

Как то в беседе с П. А. я высказал ему эту мысль и напомнил в пример приведенное им описание, как стая обезьян спасалась от преследовавших ее охотничих собак. Один из детенышей отстал, вскарабкался на высокий камень и был окружен лаявшими собаками. Тогда от стаи отделилась старая обезьяна, храбро пошла назад, отпугнула собак, взяла малыша на руки, стала гладить, чтобы успокоить и, неторопясь, присоединилась к спасавшейся стае. Очевидно, тут старой обезьяной руководил не расчет на взаимность, а чувство общительности.

П. А. охотно согласился, что слово „взаимная" не особенно верно передает мысль. „Взаимопомощь" уже звучит лучше, но слишком напоминает старославянский оборот речи. Во французском издании он употребил выражение „Entr'aide" (буквально „меж-помощь"), хотя такого слова во французском языке нет. Он долго колебался, прежде чем употребить это слово. По этому поводу Элизе Реклю обратился к французскому академику Мишелю Брэалью и спросил его мнение. Последний ответил, что у Лафонтена всего раз встречается глагол „s'entr'aider", но считает вполне допустимым употребление существительного „entr'aide" и приветствует это новшество. После этого отзыва П. А. окончательно решил употребить это слово.

Затем П. А. указал, что особенно грубо звучит немецкий перевод *взаимной помощи*—Gegenseitige Hilfe (подстрочно *супротивосторонняя помощь*).

Отношение к „Почину".

Хотя Петр Алексеевич не принимал прямого участия в редактировании „Почина", но тем не менее он охотно помогал нам своими советами и критическими замечаниями. Большая половина статей, помещенных в 11 номерах первой серии нашего листка, были просмотрены П. А. в корректуре; в некоторых из них он посоветовал небольшие редакционные изменения и поправки, а статья „Территориальность и анархизм" была существенно переработана по его указаниям (см. письмо П. А. в предидущем № „Почина")

В статьях „Деньги", „Что делать?"

и „Налоги“ ссылки на слова П. А. сделаны с его предварительного согласия.

Насколько П. А-ча тянуло к деятельной пропаганде, видно из восклицания, которое вырвалось у него после беседы с ним об одном из очередных номеров „Почина“:—„Как славно мы могли бы работать вместе!“

Но работать для непосредственной пропаганды значило для П. А. вложить в дело всю свою душу и все силы. При хрупкости его здоровья, став на путь деятельной борьбы, он сгорел бы как восковая свеча на ветру, не закончив своей главной задачи—разработку основ *этики*, которая так жестоко топчется под ногами в нашу эпоху острой борьбы партий из-за власти. Но не одна физическая слабость удерживала П. А-ча от активной пропаганды. В одном из своих писем (к сожалению из'ятом комиссаром одного из Московских учреждений во время обыска и не возвращенном, несмотря на формально данное обещание), П. А высказывает мнение (привожу на память), что „там где борются две вооруженные силы, третьей нет места“. Он не расчитывал на осязательные результаты от вмешательства в гражданскую войну одними голыми словами и, опасаясь безполезных жертв молодых сил, предпочел молчание. Это молчание иные, желавшие использовать его громадное нравственное обаяние, пытались истолковать как одобрение своей партии.

Воздерживаясь от активной пропаганды, П. А. придавал тем не менее должное значение теоретической разработке практических строительных задач и поэтому интересовался стремлениями „Почина“ в этом направлении. Особое внимание П. А. заслужила статья „Кооперативный Общественный Строй“ (в № 2). При первой же встрече вскоре после появления этой статьи, П. А. сказал, что собирался написать мне письмо по этому поводу.

Весьма одобрительно отозвался он и о листовке, приложенной к № 3 „Почина“—отрывке из „Социальн. Осн. Коопер.“ Туган-Барановского (из главы „О коопер. идеале“ в 3-м изд.). В этом отрывке П. А. нашел ценным установленное различие между *правительством* и *правлением*. Последнее П. А. признавал, потому что оно лишено *принудительного, обязательного* характера и не лишает меньшинство возможности, при существенных разногласиях, обособиться.

Просматривая корректуру статьи „Коммунизм и кооперация“ (в № 3), П. А. заметил, что об этом вопросе он не думал.

В связи с этим вопросом я сказал П. А-чу, что намерен написать статью против *безучетного коммунизма*, который многие анархисты проповедуют как непосредственно осуществимый идеал. П. А. попросил не делать этого и тут же, с присущей ему безпристрастностью расказал, что, когда появилась его книга „Хлеб и Воля“, Жан Грав ему заметил: „А ведь, Петр, твой коммунизм без правительства невозможен!“

Но П. А. установил одно из необходимых условий для осуществления коммунизма, которое слишком пылкие его последователи и рьяные противники одинакого упускают из виду. Это—*большая производительность труда*. Без этого расчитывать на практические плоды от проповеди *непосредственного коммунизма* среди современных нам крестьян, при низком уровне их хозяйственной техники, невозможно. Это поняли также, по горькому опыту, государственные социалисты, когда они стали носиться с *электрофикацией*, как с панацеей, единственно способной поднять производительность труда. Они только проглядели, что электрофикация ведет не к их идеалу—технической и организационной централизации производства, а наоборот, к децентрализации, при которой возможны только федеративные об'единения на началах свободной кооперации.

Из беседы о „Кооперации, как практическом пути к анархизму“, (в № 4 „Почина“ за апрель 1920 г.), а также из помещеннной в этом № посмертной статьи, дружески предоставленной „Почину“ для печатания впервые С. Г. Кропоткиной, видно, что П. А. уже десятки лет тому назад оценил эту роль кооперации. К сожалению идейные его противники, только после практической, болезненной ломки убедились в том, насколько он был прав.

Ал. Атабекян.

К сведению читателей.

По недоразумению, из предидущего № было выпущено изречение Кропоткина:

Полновластие развращает не одних царей.

Это предупреждение было высказано по адресу Временного Правительства.

Почин высылается всем желающим в рассчете на их материальное содействие для поддержания и развития органа *по мере получения ими последующих номеров.*

Требования и денежные переводы просим направлять:

Москва, Секретариат Всероссийской Федерации Анархистов, Тверская, Настасьинский пер., д. № 5, кв. 2 (для *Почина*).

Адрес редакции: Москва, Калужская пл., угол Коровьего Вала и Мытной, д.23/1. типография „Почин“.

Типография Труд. Артели ПОЧИН. — Р. В. Ц. № 324.